

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ.

ПОЧТИ ПО ГОГОЛЮ

- Вы, милочка, совсем не меняетесь...
- А вы, душенька, появляетесь редко.

К Р О К О Д И Л

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Уж который день наш радиоузел молчит!
Надо бы в районный центр написать.
— Писали. Тоже молчат...

Пожадитесь

В последнее время писатели как-то неохотно пишут о пище. Герои романов и повестей живут впроголодь. Прозаики то и дело забывают их накормить. И бродят из страницы в страницу отощавшие литперсонажи, и просто диву даёшься, как они могут трудиться, творить и любить. О жестокости прозаиков писала даже «Литературная газета». Но пока сдвигов не видно. Герои продолжают недоедать.

Поэты ещё безжалостнее прозаиков. Мы не представляем себе поэмы, где бы герой мог съесть, скажем, картофельные котлеты. В поэме, как в застенке, морт голодом.

Словом, так принято теперь в литературе. И не нам ломать традиции и каноны. Просто мы вспомнили об этих фактах накануне рейда по столовым. Как писать об общественном питании? Где найти художественные образцы? Можно ли развернуто показать потребителя, который с удовольствием поедает обед из трёх блюд? Не будет ли это расценено критиками как грубый натурализм и бездумное воспевание утробных инстинктов?

На все эти вопросы мы не нашли ответа. Не нашлись и художественные образцы. Пришлось обратиться к специалистам.

— Покажите потребителя в его взаимодействии с кухней, — сказали они. — Выступите против безразличного отношения к запросам рядового едока. Больше пишите о качестве обедов, их питательности, внешнем виде блюд. Учтите, что при беглом взгляде на хорошо приготовленное блюдо у вас должен буйно разгореться аппетит. При еде вы должны испытывать большое наслаждение.

— Наслаждение? — опасливо осведомились мы. — А мы этим самым не пойдём на поводу у своего желудка?

— Нет, не пойдёте!

Мы поблагодарили за консультацию и отправились в путь.

СОСТАРИВШИЙСЯ ЛЕЩ

В Великих Луках, Витебске и Орше существуют три вида взаимоотношений между столовыми и посетителями.

Вид первый: взаимная любовь. В столовой любят едока, едок отвечает теми же нежными чувствами труженикам общепита. Вид второй: показная любовь. Посетителя любят и заботятся о нём настолько, чтобы он не рвался к жалобной книге. Вид третий: безразличие. В столовой относятся безразлично к требованиям желудка посетителя, что, конечно, далеко не безразлично посетителю.

Обоюдную любовь мы обнаружили только в одной витебской диетической столовой. Увы, наиболее распространён третий вид! С безразличием мы столкнулись в первый же день приезда в Великие Луки в чайной № 1*. Здесь было грязно, пахло прокисшим пивом, невытой посудой.

Официантка принесла из буфета холодную рыбу. На тарелке лежали два плоских, сморщенных, пятнистых куса, без намёка на гарнир. Пятнистая рыба как-то не вызвала особых гастрономических восторгов и эмоций.

— Ага! Клянули на леща, — сказал сосед по столу, заглядывая в нашу тарелку. — Так оно и есть: состарившийся лещ!

— Где он состарился? В реке?

* Кстати, у многих возникает вопрос: почему предприятия общественного питания имеют порядковый номер на вывеске? Почему, скажем, кафе — места отдыха и лирических встреч — нумеруются, как шахты и пещера дальнего следования? Разве, к примеру, название «Весна» хуже, чем «Кафе номер тридцать восемь дробь девяносто девять треста столовых и ресторанов»?

К СТОЛУ

— Нет, в буфете. Лежит он, бедняга, не первые сутки. Мы нервно отодвинули леща и занялись принесённой печёнкой. На ней также лежала печать времени.

— А я знаю, что вы сейчас будете делать, — сказал сосед. — Вы потребуете заведующую, а она не придёт. И повар не отзовется на ваш зов. И вам будет очень обидно.

Пророчества незнакомца сбылись с удивительной точностью. Не пришла заведующая, не показался и повар, хотя в соседнем зале группа столоющихся заунывно скандировала:

— За-ве-ду-ю-ще-го!

— Темнота, — улыбнулся сосед. — Кричат, а зачем? Не такая женщина Прасковья Епифановна, чтобы беседовать с малоизвестными едоками. Не пожалует она к столу!

Несколько позже мы узнали, что заведующая чайной Прасковья Епифановна Шошина общается с рядовыми посетителями только посредством книги жалоб. Мы перелистали скреплённый печатями одностомик и обнаружили в нём немало темпераментных записей о качестве пищи (несвежая свинина, подпорченный язык и прочее). Наиболее взволнованной была запись о тухлых блинчиках. Но и на неё Прасковья Епифановна ответила со свойственным ей безразличием:

«Блины фаршированные делаются с обреси, а не с мяса, поэтому вкус совершенно другой. Шошина».

После детального знакомства с меню и одностомиком, где стелания обманутых потребителей перемежались с угрозами «найти управу», нетрудно было догадаться, что здесь ничто не сулит посетителю гастрономических наслаждений, на которых так настаивали специалисты.

Впрочем, наслаждения не ждали посетителя и в столовой № 2, где потчуют кислым борщом, ещё более кислой окрошкой и совсем прокисшим винегретом, и в кафе № 2, где подают сырые блины.

О КУЛИНАРНОЙ ОБОЙМЕ

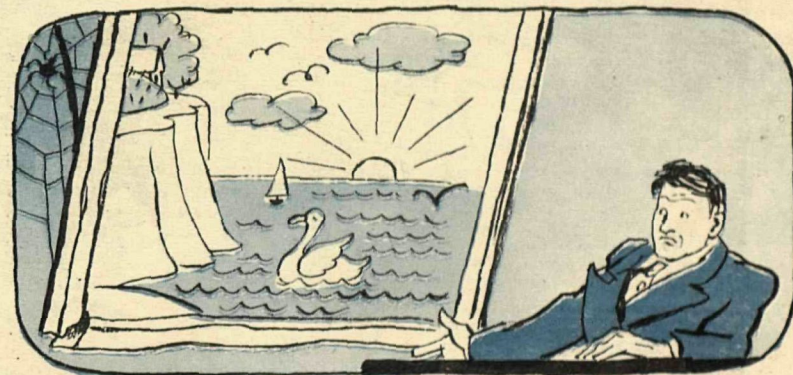
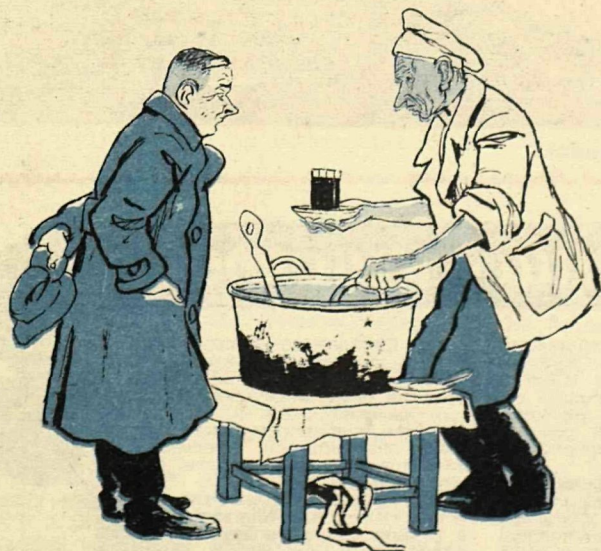
Большое искусство — составить меню. Николай Васильевич Гоголь поведал нам о Петухе — великом мастере по части конструирования обедов. Когда Петух давал руководящие указания повару, Чичиков долго не мог заснуть, хотя закутал голову одеялом.

«А в обкладку к осетру подпусти свеклу звездочкой, да сняточков, да груздочков, да там, знаешь, репушки, да морковки, да бобков... Много ещё Петух заказывал блюд. Только и раздавалось: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопресть хорошенько!» Заснул Чичиков уже на каком-то индюке».

Большинство заведующих и поваров великолукских, витебских и оршанских столовых избавило себя от скучной необходимости выбирать ежедневно блюда для обедов, завтраков и ужинов. На протяжении многих месяцев здесь действует одно и то же цельнометаллическое меню. В кулинарную обойму входят всего шесть — семь блюд из многих сотен, придуманных поварами нашей планеты. И хотя, повторяем, в гастрономическом круговороте находится меньше десятка блюд, всё же, читая меню, трудно бывает подчас понять творческий замысел его составителей. С таким загадочным меню нам пришлось познакомиться в единственном кафе города Витебска. Оно гласило:

«Блинчики с комбеж.
Оладьи с комбеж.
Каша гречневая.

Каша перловая.
Гуляш с вымя.
Кисель с варен.»

ТЫСЯЧИ ПРОБЛЕМ

Великолукские столовые обставлены со спартанской простотой. Витебские — с претензией на роскошь. В витебской столовой № 2 в обеденный пик вы можете не найти ложки супа, зато здесь для посетителей устроены загончики. Индивидуальный загончик (бывший отдельный кабинет) — зыбкое сооружение из досок и плюша. Плюш — это роскошь. В загончиках, скопированных с рыночных ателех холодных фотографов, висят аляповатые репродукции. Это тоже роскошь.

Столовая льнокомбината в городе Орше не признаёт ни спартанской простоты, ни витебского уюта. Оршанцы ничего не признают. В вопросах уюта они нигилисты. Мы побывали в цеховых буфетах столовой. В буфетах неудобно, как в брошенном овощехранилище. За шаткими столиками, покрытыми нечистой клеёнкой, сидели работницы. Столики были сервированы бумажками. На бумажках лежали мокрые кильки.

— Чем их есть? — спрашивали работницы.

В буфете вилка была проблемой.

Тут же мы узнали о других проблемах. Оказывается, существует проблема тарелки, проблема ножа, проблема чистого стакана, проблема штопора (лимонад здесь открывают подручными средствами), проблема винегрета и ещё много других. И всё это не от трудностей, не от нехваток, не от бедности, а от безразличия.

Орсовские буфеты — плоды дремучего безразличия. Как дико выглядят они на фоне великолепных цехов, озеленённого фабричного двора, на фоне нового, чистого, светлого комбинатского городка!

Ежедневно посетитель этих буфетов на полчаса лишается прав на чистоту, уют, на разнообразную и вкусную пищу. И это очень нехорошо, товарищи из орса! Ваш посетитель достоин лучшего отношения. Он ведь живой человек, а не герой из лирической поэмы. Верните же обедающему человеку его законные права!

С. ШАТРОВ,
специальный корреспондент Крокодила.

Великие Луки — Витебск — Орша.

Иллюстрации Е. ГОРОХОВА.

— Молчать! Сгною!..

Вместо кинофикации — кинофиция

Что ни говорите, а начальник Рязанского районного отдела кинофикации (Краснодарского края) тов. Бган пользуется популярностью. Имя его не сходит с языка у зрителей. Ну, как, например, не вспомнить тов. Бгана в связи с прошедшим кинофестивалем для школьников! Посулил он четыре ежедневных сеанса, но в первый же день провёл один, и тот «подмоченный». Около двухсот школьников под дождём ждали начала

сеанса. А в это время инспектор культпросветработы тов. Культес один смотрел кинофильм «Свет в Коорди», чтобы потом передать содержание картины юным зрителям. Но даже и его образный рассказ не согрел промокших и прозябших школьников.

Сохранился в памяти зрителей и такой кинотрюк, придуманный тов. Бганом. Учителя и учащиеся 22-й школы в станице Рязанской собрались посмотреть фильм «Ака-

демик Павлов», но им объявили, что вместо обещанной картины будет демонстрироваться «Подкидыш». Зрители были возмущены подкинутым им сюрпризом. Невозмутимым остаётся только сам начальник отдела кинофикации, выезжающий, как правило, на прокате старых кинофильмов.

Нет, нельзя сказать, что под руководством тов. Бгана кинофикация в районе осуществляется крупным планом.

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

ИЗ очередного отпуска Прохор Родионович Бабкин вернулся, как огурчик. Нарзанные ванны, купанье в новом кисловодском озере, ежедневные прогулки до Красных камней не прошли даром. Прохор Родионович загорел и похудел. На прощальном визите врач, улыбаясь, заметил:

— Смотрите не жирейте! Вам надо бы ещё килограммчиков пять сбросить. Талия могла бы появиться. Но и так вы ничего, молодец...

Прохор Родионович приехал, как говорится, «впригитиру» и поэтому в тот же день, даже не отдохнув с дороги, отправился в своё учреждение, где он беспрерывно в течение шести лет состоял руководителем. Не занимая он руководящей должности, его, наверное, хлопали бы по спине, вертели и вслух восхищались:

— Хорош! Вы только полюбуйтесь на него — жених!

Бабкина встретили с приличествующей его положению скромностью. Никаких бурных высказываний не было. Только секретарь Елена Павловна восторженно воскликнула:

— Боже мой! Как вы, извиняюсь, порохосели!..

Она как бы подвела итог отпуску. Через пять минут начались будни. Прохора Родионовича ждали неотложные, текущие дела.

Первым он вызвал к себе начальника дорожного отдела Свечкина.

— Что у вас там?

Свечкин встал справа, раскрыл папку и начал доклад, подавая Бабкину одну бумажку за другой.

— Это вот — самое срочное дело. Надо решить вопрос о закрытии моста через Руводь. Ремонт прогланется месяца два.

— А где же народ ездить будет?

— Через Посоковский мост. Там, понятно, немного дальше, но иного выхода нет.

— Хорошо. Оставьте. Я подумаю.

Второй доклад Прохор Родионович заслушал от заведующего городским торговым отделом Закорюкина. Прежде чем начать доклад, Закорюкин любезно справился о здоровье и сообщил, что в магазине на Почтовой завтра будут продавать драпвелюр высшего сорта.

— Если интересуетесь, заходите... А мы тут без вас три торговых помещения получили. Два в новых домах на Советской улице и одно старое отвоевали. Знаете, на Широкой улице, там, где последнее время правление гвоздильной артели помещалось. Давайте решать, какие магазины в новых домах открывать. Я лично так предполагаю: на Советской, в угловом доме, — промтоварный, а в том, что напротив, — продовольственный. Помещение на Широкой пустим под строительные материалы.

Прохор Родионович, выслушав Закорюкина, постучал по столу карандашом и сказал:

— Хорошо. Оставьте ваши намётки. Я подумаю.

Время подходило к обеду. Казалось, для первого дня приём подчинённых можно было бы прекратить. Но люди шли и шли. Вслед за Закорюкиным Прохор Родионович принял управляющего банно-прачечным трестом Жарова, начальника санитарной инспекции Барина, городского архитектора Харитонов. У всех были самые срочные, неотложные дела. Если бы не Елена Павловна, Бабкин не успел бы даже пообедать. Начальнику гортопа Заборову, пытавшемуся прорваться в кабинет, Елена Павловна далеко не восторженно заметила:

— Вас я не пушу. Набросились в первый день! Хотите, чтобы с него весь курорт слетел! Ваше дело подождёт. На улице, слава богу, двадцать шесть градусов в тени. Дайте человеку поработать.

И Прохор Родионович начал работать. Верный своей привычке всё делать по порядку, он начал с вопроса о мосте. Он снял трубку телефона и, набрав номер, услышал бас председателя облисполкома:

— Привет, Прохор Родионович! С приездом. Как отдохнул?

— Спасибо, Пётр Васильевич, хорошо. Я к вам хочу по одному срочному делу заглянуть.

— Давай заходи. А что за дело?

— С мостом надо решить. Закрывать или не закрывать.

— Какой мост?

— Известно, какой. Через Руводь. Ремонтировать его надо.

— Надо, так и закрывай. Ты хозяин, тебе и решать. У тебя под рукой специалисты есть. Со Свечкиным посоветуйся.

— А я бы хотел решение оформить.

— Зачем?

— Как зачем? Для порядка...

— Давай, Прохор Родионович, заведём такой порядок. Решай такие вопросы сам. А вообще заходи, покажись, какой ты после нарзана.

Бабкин положил трубку и долго сидел с удивлённым видом, чем-то напоминая только что вытасченного из воды окуня.

О размещении новых магазинов он решил посоветоваться со вторым секретарём горкома, Стрижевским. Но к его ещё большему удивлению, секретарь, поздравив его с благополучным прибытием, дать какое-либо указание о магазинах отказался наотрез.

— Это, дорогой Прохор Родионович, — твоё дело. Права у тебя большие, своя голова на плечах, ну и решай, как считаешь нужным.

— А вдруг ошибусь, интересы избирателей не учту? Как тогда?

— Избиратели поправят. А я думаю, не ошибёшься. Смелее надо быть.

Юрий МЯЧИН

Попрыгунья

Жила-была на свете Ната.
Студентка. Дочь лауреата.

На лекциях она сидела
Лишь изредка («Что толку в них?»),
Зато буквально по неделям
Не вылезала от портних.

Хирургом стать мечтала Ната,
Но не под силу были ей
Шесть лет учёбы... И зарплата
Мала к тому же у врачей...

«Ну, что ж, за технику возьмусь!» —
И Ната перешла во вуз.

Бедняжку там не понимали,
Заданья ей, что острый нож:
«Сдавай зачёт, сдавай чертёж!»
Зачёты Нату доконали,
И стало Нате невтерпёж.

— Может, мне Ивану Васильевичу позвонить?

— Вот об этом я тебе дам совет: не звони. Он за тебя решать не будет. — В голосе секретаря послышалась весёлость. — Одним словом, будь здоров и действуй самостоятельно!

Легко сказать: действуй! Это как раз и было самым неприятным — действовать самому. Прохор Родионович, поглядывая на кучи бумаг, начал размышлять: «Уговорились, что ли, они? Решай сам! А как — не говорят».

Бабкин вспомнил, как легко и приятно было работать, когда Пётр Васильевич, Иван Васильевич и тот же Стрижев обдумывали за него все вопросы и ему оставалось без всякого труда подписывать решения, так же легко, как глотать манную кашу. Правда, на все эти согласования и увязывания уходило немало времени. Иногда решения самых срочных дел тянулись неделями. Но зато было спокойно. И самое главное, в случае какой-либо неудачи или промашки у Бабкина всегда было готово возражение: «Что вы мне об этом говорите? Я-то тут при чём? Разве я один решал?»

А сейчас надо было решать самому. Прохор Родионович походил по кабинету, сел за стол и по привычке положил руку на трубку телефона. Но звонить было некому. Посидев так несколько минут, он набрал номер начальника дорожного отдела:

— Это ты, Свечкин? Я вот тут сижу и думаю о мосте: закрывать или подождать?

— Ждать нельзя, Прохор Родионович.

— Раз нельзя ждать, стало быть, и не будем.

Прохор Родионович размахисто написал на докладной о мосте: «Закрывать. Немедленно приступить к ремонту». И расписался: «П. Бабкин». И собственная подпись на этот раз показалась ему внушительной.

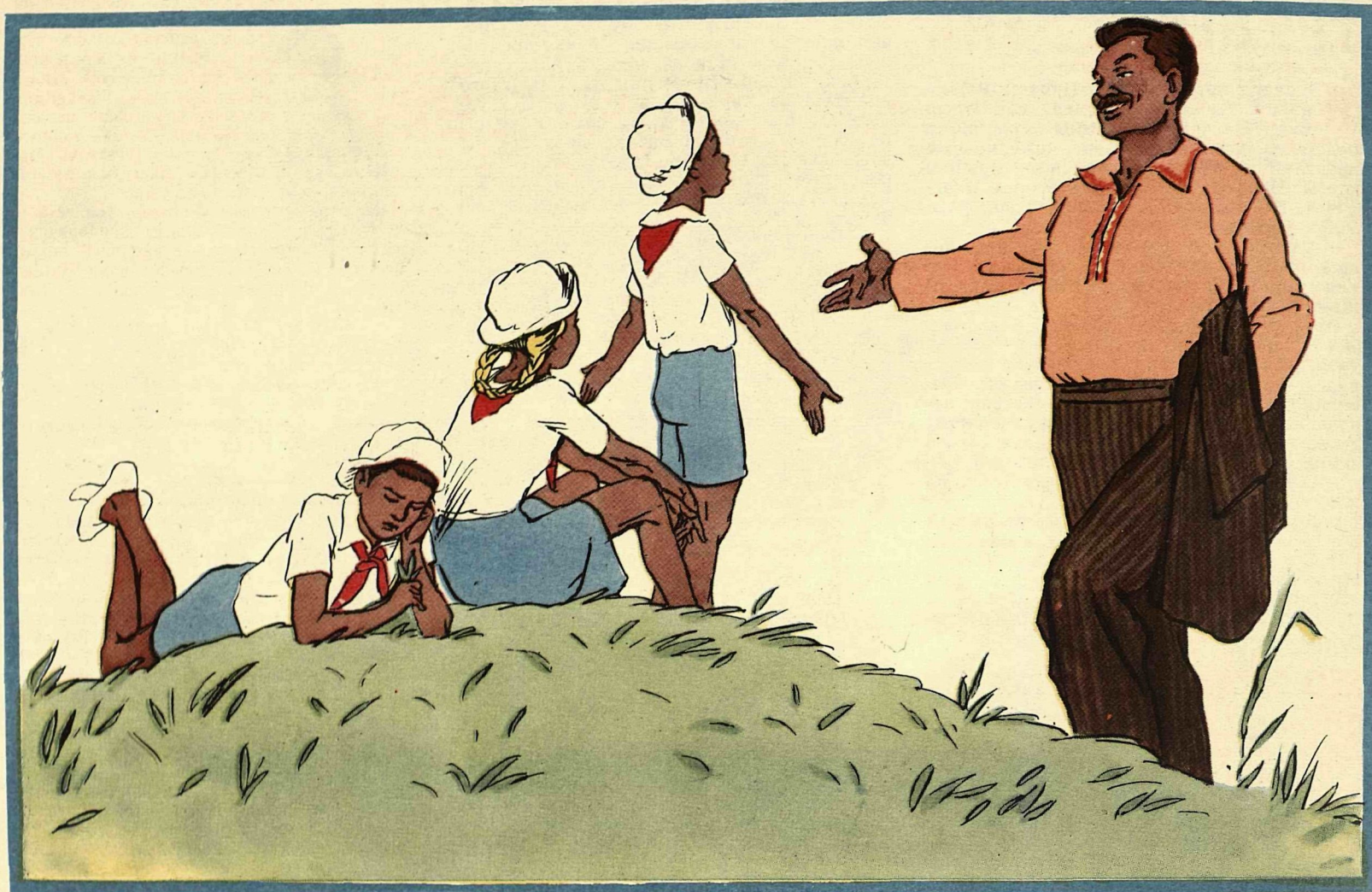
Она ушла... Но не сидится
И в новом вузе этой птице:
На лекции едва-едва
Приходит в месяц раза два.

И так она шесть лет порхала,
Училась там, училась тут
И в результате поменяла
Шестой по счёту институт.

Её бы выгнали давно,
Но...

Потупят очи педагоги,
И скажет сам директор строгий:
«Одна беда от этих Нат,
Да папу жаль...
Лауреат!»

г. Свердловск.

— Ребята, почему вы такие невесёлые!
— Да вот никак не придумаем игры, чтобы заинтересовать нашего вожатого.

За худой головой — ногам горе

В семье тов. Грищенко А. Н. десять ног, то есть именно такое количество, которое полагается на пять человек, находящихся в добром здоровье. На количество ног тов. Грищенко не обижаются. Он в отчаянии от качества приобретаемых им башмаков. Вот что он пишет из города Тайги в адрес Крокодила:

«Я уже накопил больше мешка обуви с вполне добротным верхом и отличной подошвой, но эту обувь использовать по назначению невозможно. Подошва и верх никак вместе не уживаются. Верх сам по себе, а подошва сама по себе, а в промежутке торчат пальцы друтвой или прибавить гвоздями, её примазывают клеем, а скорее, как говорится, слюной да глиной. Иначе чем же объяснить, что после двух—трёх дней носки новые башмаки попадают в коллекцию уродов в моём мешке!»

С тов. Грищенко переключается, не сговариваясь, доцент Тимирязевской академии тов. Салай Иван

Гордеевич. С ним произошёл неприятный случай, не лучше, чем со школьниками Грищенко: у новеньких четырёхсотрублёвых полуботинок отвалилась подошва на четвёртый день носки. Ведь нельзя же заподозрить солидного доцента в том, что он играл в футбол банкой из-под консервов, как это делают школьники, возвращаясь из школы домой! Тов. Грищенко складывает башмаки в мешок, а тов. Салаю скоро понадобится объёмистый мешок для заявлений, которые он пишет и пишет то в магазин «Мособувь», что на Сретенке в Москве, то на московскую обувную фабрику № 1. В магазине кладут на заявления резолюции, направляющие пострадавшего на фабрику, а на фабрике притачивают новые резолюции с направлением в магазин «Мособувь».

«Если бы бракованная пара полуботинок была изготовлена специально для меня,— пишет тов. Салай,— я бы мог расценивать

это как личный выпад директора фабрики против доцента Тимирязевской академии. Но поскольку на фабрике установлены специально «обменные дни» — среда и пятница,— я догадываюсь, что не одинок в своём хождении по мукам».

К тов. Салаю присоединяется Евдокия Дмитриевна Карманова из Ново-Куйбышевского:

«Я купила модельные туфли, а теперь уже изнашиваю вторую пару дешёвеньких башмаков, обивая пороги магазина № 20 с просьбой обменять косолапую модель на доброкачественную обувь. В первый же раз, как я надела обновку, каблучки покосились и разъехались — один на нас, а другой в Арзамас. Но директор магазина тов. Вехаев глубококомсленно изрёк после осмотра: «Туфли носить можно». Он только не проинструктировал меня, как именно их носить — в руках или в чемодане. Надевать их на ноги я не рискую, потому что ноги всё же дороже туфель, хотя бы и модель-

ных. Девять месяцев я добиваюсь обмена. За это время успел сменить директор магазина: вместо Вехаева заведует магазином Корвина. Но и ей, видимо, не под силу произвести столь сложную операцию, как обмен одной пары туфель».

Зато Нина Коваленко из посёлка Горький, Сталинской области, оказалась наиболее решительной. Она прислала в адрес Крокодила посылку с парой сапог и препроводительным письмом, в котором просила премировать этими сапогами директора Химзавода Ждановского района в Москве. Нина надела сапоги в магазине: на улице шёл дождь. Она не прошла и пятисот шагов, как сапоги развалились.

Есть такая поговорка: «За худой головой — ногам горе». В данном случае мы понимаем её так: горе ногам тех покупателей, которые доверились обувщикам-бракоделам.

В. КАРБОВСКАЯ

ОБЛОМОК ДИНАСТИИ

Утро. Весеннее солнце уже загорелось на шпилях высотных зданий. Щедро рассыпая радугой водяных брызг, шурша стальными щётками, проходят по московским

улицам мочные машины. Пока москвичи спят, Москва прихорашивается.

Вот в такое весеннее свежее утро из ворот дома по Большой Якиманке вышел человек, одетый в ветхий, старомодный плащ. Большой лохматой метлой он принялся сосредоточенно выметать со двора мусор. Будь на нём белый фартук и жестяная форменная бляха, его без труда можно было бы принять за дворника.

— Здравствуйте, ваше степенство! — сказал проходивший мимо старичок в картузе, каких давно уже не носят в наше время.

Человек с метлой обернулся и чинно приподнял в ответ засаленную кепку.

— Утро-то какое, Владимир Иванович! — заговорил старичок. — Хожу, смотрю, как изменилось всё окрест!.. Супротив новых домов и ваш особнячок невидным стал. А в наше время по Замоскворечью вторым за морозовским шёл...

Владимир Иванович угрюмо промолчал и ещё яростнее заработал метлой. Закончив своё дело, он вошёл во дворик, по скрипучей деревянной лестнице поднялся на второй этаж дома и, пошарив за притолокой, нашёл большой ключ. Огромный лабазный замок заскрипел и открылся. Владимир Иванович вошёл в свою квартиру. В комнатах было темно. Только узенький светлый лучик вырывал из мрака то старинный бронзовый канделябр, то пыльную книгу в пожелтевшем переплёте. Не открывая ставней, «дворник» прилёг на кровать. Нужно же было этому старику в картузе разбередить старую рану!.. Былое встало вдруг перед Владимиром Ивановичем во всей своей красе. Вот его отец, купец первой гильдии Захаров, в праздничной тройке идёт в храм «к Николе», солидно кивая знакомым лавочникам. Мелочь всё встречается, не подстать ему, приятелю самого Елисея. Вот и сам хозяйский сын Володя покрикивает на приказчиков в рыбном лабазе:

— Поживей, молодцы, рыба нынче ходко идёт!

Глаза заплывают слезой. Всё прошло, всё миновало... Поборов минутную слабость, он встал, снял плащ и вышел, не забыв снова закрыть дверь лабазным замком. Тяжёлой поступью Захаров обходит квартиры.

— С огнём не балуйте: спалите мне дома! — сурово обронил он, проходя мимо женщины, топившей печь.

— Месяц на исходе, деньги пора платить! — бурчит он у дверей.

— Владимир Иванович, газ бы нам провести, — заикнулся было один из жильцов, — и полы ремонта требуют...

— Полы... газ... — ворчит хозяин. — Что вы мне указываете! Чьи дома: мои или ваши?

На это нечего было возразить. Действительно, в наше время, в 1953 году, два дома — двухэтажный и трёхэтажный, кирпичной кладки, — расположенные в центре Москвы, на улице Якиманке, находятся в частной собственности бывшего купца, ныне гражданина без определённых занятий Владимира Ивановича Захарова.

Когда жильцы этих домов пришли в редакцию и рассказали об этом, мы поверили им не сразу. И на следующий день поспешили в жилотдел Ленинского района.

— Ах, вот вы про какие дома! Да, да, правильно. Дома № 11/12 по Якиманке у нас на особом положении, — сказал заместитель председателя райжилотдела тов. Завёрткин. — Это частный сектор. Жалуются,

конечно, жильцы и нам пишут и в Моссовет, но сделать ничего не можем.

И тогда мы решили лично познакомиться с одним из последних

представителей вымершего в нашей стране племени частных собственников. Однако добраться до Захарова было не так-то легко. Владимир Иванович превратил свой дом в крепость, стремясь как можно меньше общаться с чуждым и непонятным ему миром. Но нам всё-таки удалось проникнуть в комнату, которая знакома уже нашему читателю. Мы увидели грузного, седеющего человека с румяным мясистым лицом, с настороженными серыми глазами.

— Да, я хозяин, — сказал Захаров с чувством скромной гордости. — Унаследовал дома от блаженной памяти родителя Ивана Филипповича.

«Память о родителе» приносит Владимиру Ивановичу немалый доход. В его владениях без малого шестьсот метров полезной площади. Из них более ста занимает он сам. На остальной разместились жильцы и фотолаборатория одной из московских артелей. Четыре комнаты пока пустуют: Владимир Иванович подыскивает выгодных жильцов. К нему не просто поселиться...

— На квартиру, значит, хотите? Доброе дело, доброе, — говорит он, испытующе оглядывая посетителя. — Красенькую за прописку пожалуете?

— Да что за вопрос, Владимир Иванович, хоть сейчас! — И наивный посетитель лезет в карман за десяткой.

— Шутить изволите, сударь! — обижается хозяин. — Десять тысяч — наша цена, без запроса... В центре живём.

И цедит вслед уходящему с непередаваемым презрением:

— Ишь ты, квартиру захотел!..

В домах Захарова живёт восемнадцать семей: рабочие, служащие, студенты, школьники. За годы советской власти изменился облик Ленинского района, одного из самых благоустроенных в столице. Помолодели и украсились дома на Большой Якиманке. И только особняки купцов Захаровых остались такими же старыми, хмурыми, неприветливыми. Обветшали и облупились их стены, проржавели крыши, гнутся и скрипят под тяжестью шагов ветхие полы. Свои дома последний из купцов Захаровых не ремонтировал как следует ни разу за годы советской власти. Давно уже газифицирован весь Ленинский район. Давно на Якиманке закрыта последняя керосиновая лавка: в ней нет больше нужды. На её месте открыт цветочный магазин. Радостное событие для всей улицы не обрадовало только жильцов купца Захарова. Цветы — это, конечно, хорошо, но ведь на цветах каши не сварить.

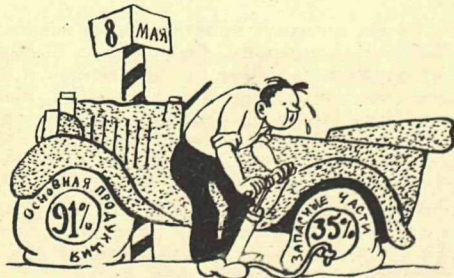
Перед нами пухлая папка. Это письма, заявления, жалобы жильцов домов № 11/12 и ответы на них из авторитетных учреждений. Райисполком просит Моссовет принять дома Захарова... Моссовет создаёт специальную комиссию... Исполняющий обязанности прокурора Ленинского района тов. Дугин уверяет, что Захаров сам в скором времени сдаст свои дома государству... Время идёт, папка пухнет, а особняками по-прежнему владеет купец Захаров. По-прежнему тяжёлым хозяйским шагом обходит он квартиры, грозя изгнанием строптивых жильцов.

Тридцать пять лет кормится он «светлой памятью» своего родителя, первой гильдии замоскворецкого купца. Кормится — и сам диву даётся: почему это работники жилищного управления Моссовета не примут от него дома?

**Б. ПРОТОПОПОВ,
И. ШАТУНОВСКИЙ**

**Заводской
ЮМОР**

Пех коробок скоростей отстаёт с выполнением производственной программы. Сдача запасных частей составляла на 8 мая всего 35 процентов плана.

ЗАСТРЯЛ

«ПОД СВЕТОМ ФАР»,
газета «Сталинец».

ПО ТРИ МЕСЯЦА ПОДРЯД...

«ПОД СВЕТОМ ФАР»,
газета «Сталинец».

Говорит Попов: «Ребятки,
В нашем цехе всё в порядке:
Соревнуется народ,
Обязательства берёт».

Говорят ему ребятки:

«В нашем цехе беспорядки:
Обязательства висят
По три месяца подряд.
Их сначала заполняют,
А потом их забывают».

В. ИВАНОВ

В ОЖИДАНИИ ПРИЁМА

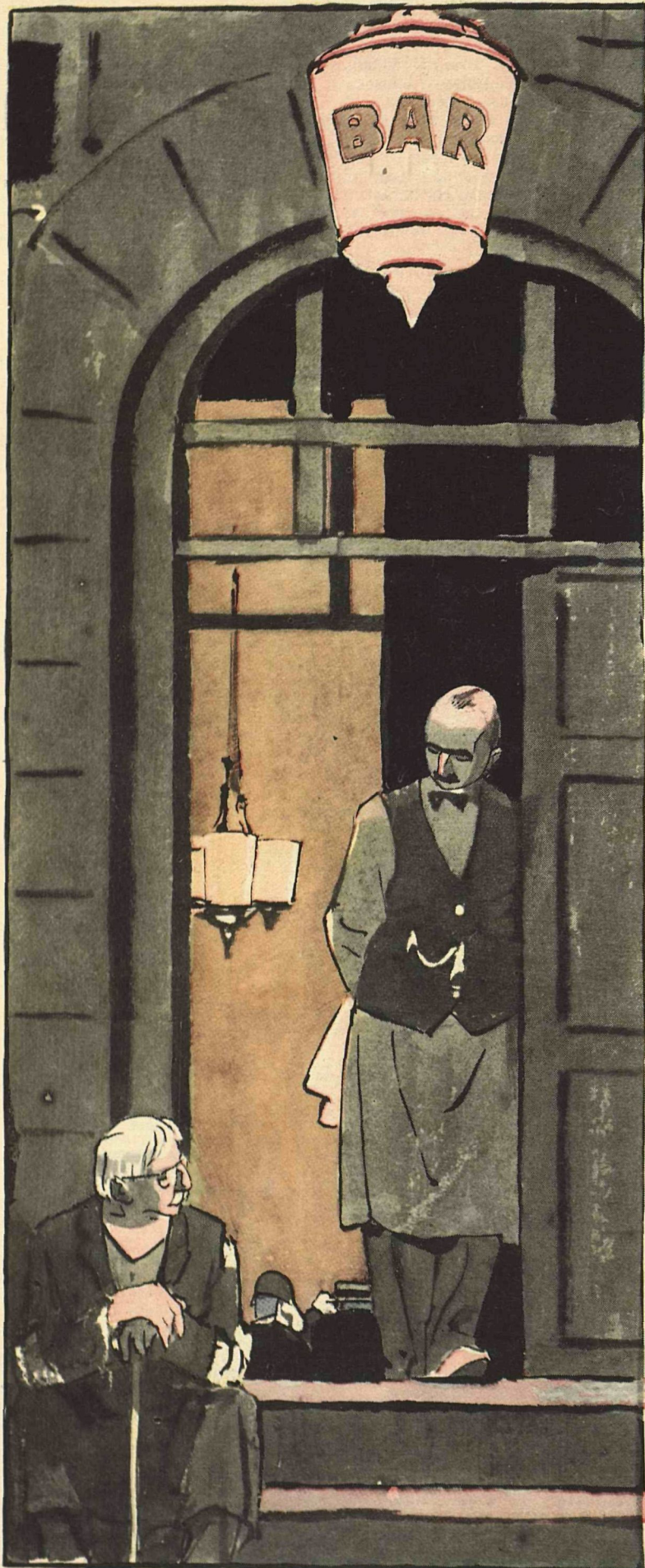
На основных участках жилищного строительства по вине главного механика управления капитального строительства тов. Трифонова плохо используются краны и другие важнейшие механизмы.

«ВЕНТИЛЯТОР»,
газета «Красный сормович».

В настоящее время в Греции на 600 школ меньше, чем до войны.

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА.

— Я тут двадцать лет работаю!
— И всё сторожем!
— Нет, раньше — учителем: тут была школа...

Великое и смешное

Недавно за океаном случилось некое литературно-уголовное происшествие, настолько скандальное, что обстоятельно рассказать о нём нам очень трудно. Безмерно обидно, что один из самых замечательных юмористов мира, кто одинаково владел и тайной добродушного заразительного смеха и силой беспощадно хлещущей сатиры, Марк Твен, умер четыре десятка лет тому назад. Он-то уж наверняка сумел бы рассказать об этом невероятном случае, тем более, что, во-первых, дело идёт об инициативе некоторых его соотечественников, а во-вторых, прямо касается его самого.

Поразительна судьба этого первоклассного мастера смеха. На небе американской литературы XIX века он просиял подобно ослепительной ракете, связавшей огненной дугой первых классиков нового материка с Джеком Лондоном, О'Генри, Драйзером, со всеми, кто пошёл по пути реализма. По нашим советским понятиям мы называем Марка Твена одним из основоположников американской литературы. Он не родился в России, но наш народ чтит его память, зачитывается его книгами и, по беспокорному свойству своему, донимает издательства ядовитыми письмами, почему мало ещё в книжных магазинах книг любимого автора. И, как водится, эти справедливые укоры понуждают и директоров наших издательств и те государственные организации, которые ведают библиотеками, издавать и распространять произведения Твена снова и снова огромными тиражами.

За океаном же с книгами лучшего отечественного писателя прошлого века выходит, как говорится, совсем напротив.

При государственном департаменте США существует некое щедринское «недреманное око» под вывеской «Управление международной информации». Ведаёт оно американскими библиотеками в других странах и распространением американских книг и журналов за границей. Несколько недель тому назад в указанном управлении началась беспокойная жизнь. Сенатор Маккарти вдруг встревожился: нужные ли книги распространяются оным управлением, — и дал приказ проверить, какой духовной пищей кормит оно заграничных читателей. Деятели управления решили перестраховаться. Они вкатили в список нежелательных книг всё, что, по их мнению, было или даже могло показаться сомнительным. В том числе они занесли туда, как об этом сообщается в американской прессе, и произведения писателя Сэмюэля Клеменса, более известного под псевдонимом Марк Твен.

Дико звучит этот полицейско-доносительный стиль! Так и пахнет уголовной формулировкой привода в участок: «Изловлен некий Сэмюэль Клеменс, он же Марк Твен». Представьте себе, что сейчас в нашей печати появилась бы статья о творчестве «писателя Алексея Пешкова, более известного под псевдонимом Максим Горький!»

В редакционной статье газета «Нью-Йорк пост» иронически отмечает, что государственный департамент наконец-то разыскал преступника Сэмюэля Клеменса, который в течение многих лет ухитрялся скрываться под другим именем. Газета советует государственному департаменту заодно вынести решение о Томе Сойере и Гекльберри Финне, которые, несомненно, являются «парочкой активных красных».

Как разрешит «Управление международной информации» этот действительно сложный вопрос, неизвестно. Известно только, что Сэмюэль Клеменс, он же Марк Твен, в последние годы жизни записал в своём дневнике: «Только мертвые имеют свободу слова, только мертвым дозволено говорить правду». Но теперь даже эта скромная надежда не оправдывается. Через четыре десятка лет его самого — великого гражданина Америки, чьи творения живут в сердцах и в умах сотен миллионов людей, говорящих на разных языках, — пытаются лишить слова. Книги его запрещают. Хотят, чтобы он умер вторично, и на этот раз уже не как смертный человек, а как бессмертный гений.

За океаном закопошились карлики, поднимающие руку на этого литературного великана.

Они, конечно, не могут простить Твену язвительный памфлет «Мистер Рокфеллер и библия», в котором беспощадно высмеиваются жадность и ханжество одного из основателей ныне процветающей в Америке династии миллиардеров.

Не могут простить Твену и его гневный памфлет под исчерпывающим названием «Соединённые Линчующие Штаты», где великий сатирик бичует расистов. Он издательски кончает памфлет тем, что призывает американских миссионеров, обращающих китайцев в христианство, вернуться на родину. «Ведь стоит только цивилизовать Китай, — писал Твен, — его потом уже никогда не расцивилизуешь. Мы об этом ещё не подумали... Наши миссионеры убеждены, что и у нас есть для них поле деятельности... Мы умоляем миссионеров вернуться и помочь нам в нашей беде... Наша страна находится в несравненно более отчаянном положении, чем Китай».

Американская реакция не может простить Сэмюэлю Клеменсу (известному более под именем Марк Твен!) и «Письма китайца», написанные хотя и более, восьмидесяти лет тому назад, но вполне подходящие для характеристики современности. В этих «Письмах» Твен изображает крушение мечты эмигрант-китайца о заокеанском «благодатном крае, где все люди равны и свободны».

Вряд ли могут реакционеры простить сатирику и гневные статьи о грабительском захвате колоний — Филиппин и Кубы, — появившиеся в 1906 году, где он обличает американских генералов, зверски расстрелявших в кратере потухшего вулкана Даждо шестьсот туземцев.

Великий печальник американского народа, который свою скорбь о нём, свою жажду справедливости и свободы, свою всечеловеческую мечту о равенстве всех людей скрывал под маской весельчака, добродушного шутника и только изредка гневно взмахивал свистящим бичом сатиры, Марк Твен страшен и сейчас людям, боящимся собственного народа.

В США пытаются запретить книги Марка Твена. Но Сэмюэль Клеменс, он же Марк Твен, останется бессмертным. Книги его живут на всех языках, и с этим положением ничего и никому не поделать.

Леонид СОБОЛЕВ

ПУТЬ К СЛАВЕ

В КАЗНАЧЕЙСТВЕ ОДНОГО ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Рис. Ю. ГАНФА.

Не так давно агентство Рейтер сообщило:

«В Лондоне во время торжественной церемонии у памятника жертвам войны один человек выкрикнул: «Хайль Гитлер!»

Этот человек — Джеймс Баттерсби, 45 лет, литератор, — скрупулёзно продолжает агентство, — был сразу же окружён возмущённой толпой, и если бы его тотчас не арестовали, он был бы избит. Когда его повели в полицейский участок, из толпы неслись возгласы: «Его надо расстрелять!», «Перерезать ему глотку!», «Вздёрните его!»

Корреспондент агентства, не удовлетворившись этой сочной сценой, проследовал в участок вместе с арестованным и его спасителями. Там он стал свидетелем новых событий.

У литератора было обнаружено пять фотографий Гитлера.

Судья решил оставить литератора «под стражей на неделю для освидетельствования его здоровья и психического состояния».

— Для меня ясно, — похлопав арестованного по плечу, сказал судья, — что человек не ведёт себя так, как вы, если нет причин для врачебного вмешательства.

Затем, нам представляется, произошло следующее:

— Вы чурбан! — заметил литератор, брезгливо передёрнув обласканным плечом. — Я такой же сумасшедший, как вы честный страж правосудия.

— Это — оскорбление! — отшатнулся судья.

— Вот именно, — с мрачным цинизмом подтвердил Баттерсби, — оскорбление, нанесённое умышленным, не принимается во внимание. Следовательно, я нормален, и вы должны освободить меня.

Судья, почесав затылок, сказал:

— Бог с вами, но я всё ещё опасаясь за ваше здоровье. Там, у подъезда, наверное, целая толпа. И кроме того я должен ещё кое-что выяснить. Видите ли, это выдающийся случай. Меня вызывали уже и к генералам, и к политическим деятелям, и к учёным-физикам, — словом, ко многим, которые тоже вот начинали вдруг кричать «Хайль Гитлер!» И все, представьте себе, оказывались нормальными.

— Так что же вы тогда нашли у меня выдающегося? — вяло огрызнулся литератор.

— Как же, как же! Литераторов у меня ещё не было. Вы первый. Свободное творчество, хи-хи! Вдохновение. Разрешите автограф...

— Вы совершенно не знакомы с современной литературой, — со злостью оборвал Джеймс Баттерсби. — Вы в этом смысле сумасшедший, а не я. Мне долго не везло с известностью, поэтому я и решил сказать своё слово на церемонии. И теперь, может быть, обо мне тоже заговорят.

— Простите, я начну протоколически, — сказал судья.

— Пишите. Можете даже опубликовать. И будет прекрасно, если всё это дойдёт до надлежащих лиц. Вы сами сделали бы так же на моём месте. Ну, представьте: ваш, так сказать, собрат по перу едет в Голландию, и видные газеты печатают его высказывания по военным и политическим вопросам. Я имею в виду Честера Уилмота. Голландская газета «Хет фадерланд» писала: английский писатель Уилмот заявил, осветил, коснулся, разъяснил... Газета смакует каждую букву его заявления. «Голландия должна увеличить расходы на свою оборону», — сказал Уилмот. «Голландия должна иметь профессиональную сухопутную армию», — сказал Уилмот. Ну и так далее. Каково? Или вот ещё. Норвежский писатель Арнульф Эверланд побывал в Дании. Изложил там, видите ли, свои взгляды на международные проблемы. И тоже, конечно, шум вокруг него. «Нужно проводить универсальное и организованное регулирование рождаемости», — заявил Эверланд. «До сих пор чума и голод регулировали количество населения, а теперь нужно другое», — заявил Эверланд. Надеюсь, вы понимаете, что означает это «другое»? Пресса кричит, и вы легко можете себе представить, как благотворно действует этот крик на текущий счёт господина Эверланда.

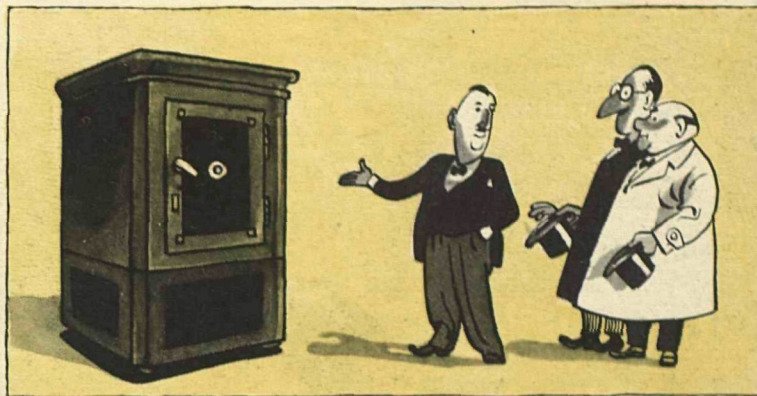
Баттерсби предложил судье сигарету и закурил сам. И, ожесточённо затянувшись, продолжал:

— Кто получил последний раз Нобелевские премии? Два физика, два химика, медик и писатель. Писатель — семидесятирехлетний Франсуа Мориак, француз. Шведская академия наук заявила при награждении Мориака, что премия выдаётся ему за «глубокое знание человеческой души и за ту художественную силу, с которой он при помощи своих произведений раскрывает драму человеческой жизни». Кстати, отмечалось его «сочувственное отношение к ненормальным людям», это, кажется, по вашей части. А знаете ли вы, что мсье Мориак писал как раз в эти дни в парижской «Фигаро»? «Да, — писал он, — я был доволен тем, что французские юноши умирают в Индо-Китае. Да, я желал уничтожения огромного скопища людей, собравшихся на конгресс мира». Вот слава, вот известность, лучшее общество, обеспеченность, премии, вот где и откуда всё это, чёрт побери! А вы удивляетесь какому-то набившему оскомину «Хайль Гитлер!» У нас в Англии это ещё, я надеюсь, и произведёт впечатление — иначе разве стал бы я делать это? — а вот побывайте-ка в Западной Германии, послушайте, как там распевают на улицах фашистские гимны! Увы, судья, вы отстали и от событий и от литературы. Давайте черкну вам автограф на память и пойду.

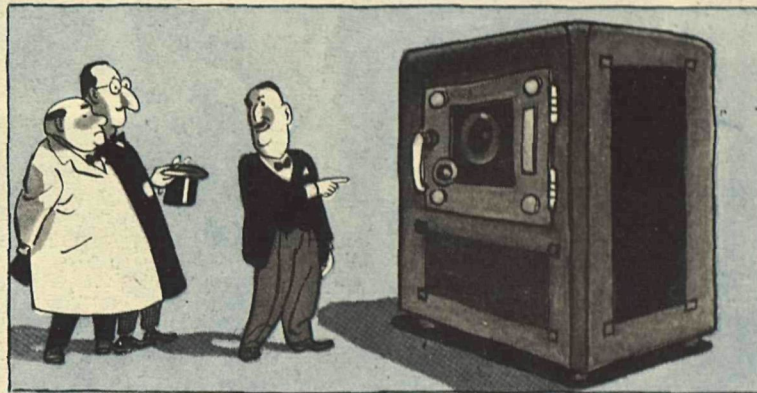
— Да, — сказал судья. — Да. Вы просто гений своего рода. Честное слово, я ничего оригинальнее не придумал бы в вашем положении! Но всё-таки я не имею права: закон.

Джеймс Баттерсби внезапно захохотал. Видимо, ему понравилось слово «закон». Весь сотрясаясь от смеха, он порылся в карманах и (тут мы вновь возвращаемся к сообщению того же агентства Рейтер) извлёк «три свидетельства различных врачей, удостоверяющие его вменяемость». Говорят, судья так умилился, что тут же проводил литератора до подъезда, даже забыв об автографе.

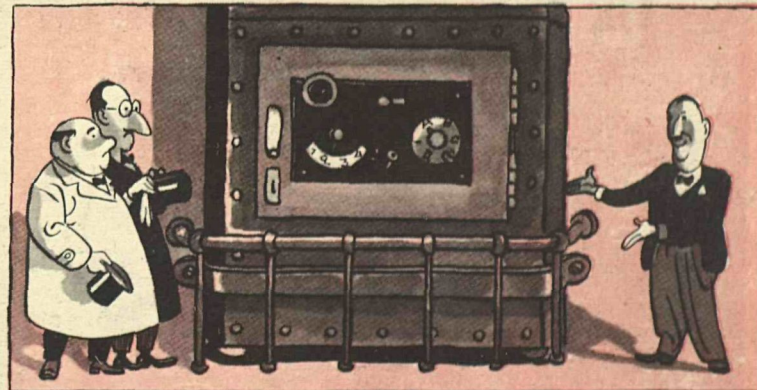
А. ВИХРЕВ

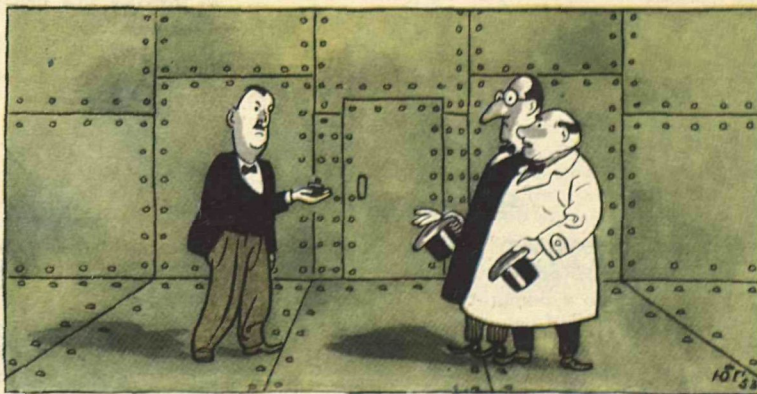
— В этом сейфе лежат просьбы о деньгах на народные нужды.

— Здесь мы храним списки наших долгов.

— А вот тут, в самом большом сейфе, находятся отчёты о суммах, истраченных на вооружение.

— А почему, господин казначей, в этом хранилище мы не видим национального золотого запаса!
— Его я всегда ношу при себе.

Большинство молодёжи, оканчивающей высшие учебные заведения капиталистических стран, не может найти работу. В связи с этим растёт преступность.

Рис. В. ГОРЯЕВА, по теме читателя И. СПЕКТОРА, Киев.

— Почему вы, Джексон, окончив университет, стали взломщиком?
— Потому что все двери оказались для меня закрытыми.

коротко, но ясно!

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ МЕНДЕ

В ПУТИ И ДОМА

Депутат боннского бундестага Менде смело строит политические прогнозы. Вот один из ярких примеров его предвидения: министерство обороны в Западной Германии ещё не сформировано, а господин Менде, как сообщает радио Франкфурта-на-Майне, уже предложил создать в этом несозданном органе отдел по борьбе с коррупцией. (Таким деликатным словом называют на Западе воровство, взяточничество, спекуляции правительственных чиновников.) Менде обосновал своё смутившее правительственные круги предложение таким не вызывающим кривотолков тезисом: «Заказы всегда сулят прибыли, а поэтому могут возникнуть спекуляции».

Как видим, глубокое изучение распространённой практики «оборон» западных стран породило бесспорную теорию коррупции.

Английская печать нередко сообщает об автомобильных и воздушных катастрофах, столкновениях поездов и других трагических финалах одного из необходимейших в жизни каждой культурной страны процессов — перемещения людей. Однако транспорт, как выясняется, не самая большая опасность в жизни англичан.

Лондонское радио, ссылаясь на официальные данные, сообщило недавно, что «ежегодно в Англии от несчастных случаев в домах умирает на одну тысячу человек больше, чем от несчастных случаев на транспорте». Состояние ветхих жилищ, оказывается, такое, что «от падения на скользком полу и на тёмных лестницах» погибает много граждан современной Англии.

«Мой дом — моя крепость», — некогда с гордостью говорили англичане. «Мой дом — моё кладбище», — не без горечи говорят они теперь, с опаской пробираясь в свои квартиры.

СЕЗОННАЯ МУЗА

Поэт Георгий Титов очень любит поздравлять москвичей с Новым годом. За последние четыре года он сделал это восемь раз. В среднем по разу в полугодие.

За это же время Титов шесть раз поздравлял москвичей с 1 Мая. Муза поэта работает с полной нагрузкой по праздничным дням. В будни она обычно молчит.

Но... обратимся к стихам поэта.

1950 год Титов встретил стихотворением «Наш тост», напечатанным в газете «Жилищный работник»:

Синий вечер, звёздный вечер,
Снегом улицы беля...

Прошло двенадцать месяцев, земля успела сделать полный оборот вокруг солнца, и как раз в этот момент в газете «Труд» появилось стихотворение Титова «Первый тост». Оно начиналось так:

Синий вечер, звёздный вечер,
Снегом улицы беля...

Ещё каких нибудь 365 дней — и этот слегка подбелённый прошлогодний снег уже под видом «Новогоднего тоста» выпал на страницах «Московского строителя».

Совершенно так же, как учёные определяют время туманов или первых заморозков, можно точно сказать, когда Титов напечатает своё стихотворение. Мало того. Совсем нетрудно предвидеть, какими словами оно будет написано. Единственное, чего нельзя заранее узнать, — это подписи автора. Титов на всякий случай публикует свои стихи под двумя фамилиями: «Георгий Титов» и «Г. Александров». Какую из них он выберет, неизвестно...

В разное время Георгию Титову — Г. Александрову удалось напечатать свои стихи «Слава партии» дважды, «Слово избирателя» — дважды, «Наш тост» — трижды, «Октябрьское знамя» — трижды и т. д.

Если нельзя вовремя использовать целую вещь, Титов довольствуется её частью. Так, 18 января 1953 года в «Труде» под рубрикой «Творчество трудящихся» были помещены две строфы из старого, трёхгодичной давности стихотворения Титова.

Титов не плагиатор, как обычно понимают это слово. Он ворует у самого себя. И он же от этого богатеет.

Некоторое время назад в газете «Жилищный работник» было опубликовано стихотворение Титова «Слово избирателя»:

Бессмертные октябрьские знамёна

Украсили театра строгий зал.

На митинге трудящихся района

С трибуны знатный кровельщик сказал...

Через два дня в газете «Труд» оно уже звучало несколько по-иному:

Октябрьские бессмертные знамёна

Победным шёлком осенили зал.

На митинге трудящихся района

С трибуны знатный доменщик сказал...

Сколько раз уже вспоминали о Никифоре Ляписе, известном герое Ильфа и Петрова, авторе халтурных виршей о «Гавриле».

Но что делать! Приходится вспоминать снова.

Вернее, он сам о себе напомнил — в лице Георгия Титова.

П. ЕВГЕНЬЕВ

О странностях любви

В. БАХНОВ и Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Огнями яркими светилась
В ту ночь весенняя Москва,
Старательно
Шуметь училась
Под ветром новая листва.
А по аллеям, там, где тени
Перемежают лунный свет,
Бродил в лирическом смятеньи
С любимой девушкой поэт.

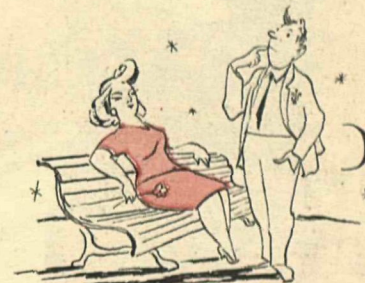
И девушка с улыбкой милой
Поэта тихо попросила:
— Не прочтаете ли вы
Стихотворенье о любви,
Хотя б одно, не откажите,
Мне очень хочется, прочтите!

И он ответил ей на то:
— Для вас, пожалуйста,
Хоть сто!

Поэтом видным он считался,
И в том, бесспорно, был резон:
Неоднократно издавался
И переиздавался он.
Примерно в среднем выдавал он
Одну поэму за квартал,
И явно
Толстые журналы
Всем тонким он предпочитал.
А также не в одном журнале
Его другим предпочитали,
Поскольку он писал стихи,
Конечно, не про пустяки.

И вот теперь поэт в волнении
Старался вспомнить что-нибудь,
Лирическим стихотвореньем
Ему хотелось бы блеснуть.
Сначала вспомнил он поэму
Про травопольную систему,
В ней тема острая взята,
Потом —
Написанный с любовью
Сонет о росте поголовья
Крупнорогатого скота.
Пришли на ум стихи «Задворки»,
В них много вдохновенных слов
О методе поточной сборки
И размещеньи санузлов...

Нет, всё не то... А не прочесть ли
Роман в стихах «Навеки вместе»?
Но тут припомнил он о том,
Что в нём лишь только говорится
Про скрещивание пшеницы
С зимоустойчивым овсом.
Что делать?... Впрочем, выход есть:
Сейчас же надо ей прочесть
При этом дивном лунном свете
Стихи из цикла «Свежий ветер»!
Но нет... Ведь речь идёт в стихах
О вентиляции в цехах.

А время шло неумолимо,
И в парке начало светать,
И ясно стало, что любимой
Поэту нечего читать.
Нет, книги он писал толково,
Но дело, видите ли, в том,
Что в книгах не было ни слова
О человеке о живом.
А девушке поэт об этом
Не смог сказать начистоту
И предложил:
— Я вам прочту,
Пожалуй, из других поэтов.

И стал читать он с уповеньем
«Я помню чудное мгновенье...»

раз в ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРОК...

А. МЕЛУЗНИКОВ

Пел соловей.
Сирень цвела.
Весна одела кофту голубую...
В тот вечер на краю села
Механизатор встретил звеньевую.
Пришли к реке. Уселись на бугор,
И парень начал разговор:
— Ну, как у вас лесопосадки?
Какие на участке неполадки?..
На небе — мириады звёзд,
А он — и про овёс
И про силос,
Коснулся жатвы, обмолота,
Сказал о пользе птичьего помёта,
Упомянул про сусликов, про тлю.
А ведь хотел сказать «люблю».
— Мы посадили тысячу корней,—
Гордясь, ответила дивчина,—
И я хотела б знать, Корней,

В чём заключается причина,
Как это надо понимать,
Что ты всё топчешься на месте?
Брал обязательство на двести,
А дал всего сто двадцать пять!
Выходит, соревнуешься для формы?
Вот если б ты давал четыре нормы...
— Ах, Дашенька! В процентном
отношении...

Тут соловей умолк в оцепенении.
Сирень завяла.
Речка вся в тумане.

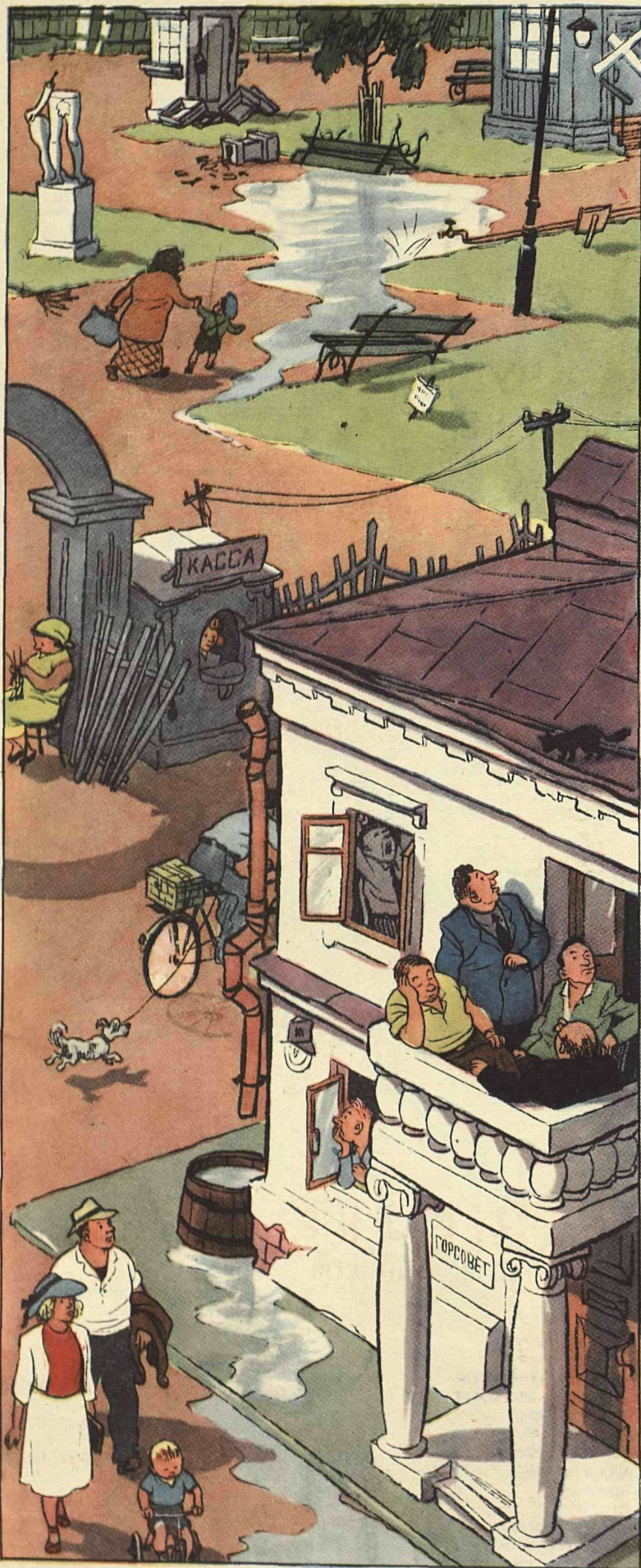
Такого в жизни не было и нет.
Да, в жизни нет.
Но есть зато в романе,
И тот роман,
Представьте, вышел в свет!

г. Казань.

Ворошиловградцы (Донбасс) лишены возможности отдыхать в парке имени Горького, так как он в крайне запущенном состоянии.

Рис. Е. ЩЕГЛОВА.

— Пока они тут отдыхают, нам в парке не отдохнуть!

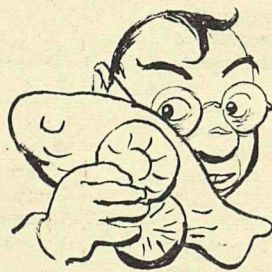

ВИЛЫ В БОК

ПРЯНИКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Думали ли, ведали ли пряники и другие кондитерские изделия, что, направившись из Москвы, с фабрик «Красный Октябрь» и имени Бабаева, в орс треста «Сталиногорскуголь», они не дойдут до потребителей, а...

А придут ценным грузом весом в 37,5 тонны из Сталиногорска в... Москву, на базу Главурса Министерства морского и речного флота?

Директор базы Главурса этого министерства тов. Балыков А. В., видите ли, искал кондитерские изделия. А Сталиногорский орс охотно продал московскому покупателю-оптовку московские пряники и конфеты, чтобы не утрудить себя возней с розничным покупателем.

— Но зачем же закупать московской базе в Сталиногорске то, что без помехи можно купить на месте, в Москве? — спросят читатели.

Об этом следовало бы в первую очередь спросить у директора базы Главурса тов. Балыкова. А что он ответит, затрудняемся сказать: отвечать за свои действия у него, повидимому, не в обычае.

СТАТЬЯ НЕКСТАТИ

В один беспокойный день десять депутатов Черногорского горсовета (Красноярский край) с разных сторон устремились в городскую прокуратуру, куда их звали грозные повестки:

«...Вам необходимо явиться в прокуратуру по вызову прокурора по касающемуся Вас вопросу. За неявку несёте ответственность по статье 92 УК РСФСР».

— По какому «касающемуся вопросу»? За какую провинность? — вопрошал себя каждый в растерянности и смущении. — Нет за мной, кажется, никаких неблагоприятных поступков.

— Добро пожаловать, дорогие товарищи депутаты! — встретил их прокурор Е. И. Миняев. — Я пригласил вас, как председатель постоянной торговой комиссии горсовета, на очередное заседание. Присаживайтесь!

Огороженные депутаты не сразу пришли в себя: с одной стороны, хорошо, что угроза статьи 92-й миновала, а с другой — кто поручится, что председатель торговой комиссии (он же прокурор) Миняев к следующему заседанию не припас статьи пострашнее?

ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА

Будучи человеком откровенным, председатель исполкома Мясниковского райсовета (Ростовская область) тов. Харагезов не любит прятать сокровенных мыслей в туманных фразах. Он привык выражаться точно. Чтобы оценить эту драгоценную черту характера тов. Харагезова, достаточно ознакомиться с решением райисполкома № 423:

«...В целях создания дополнительных материальных условий зав. Районо т. Карташьяну — исполком райсовета решает:

1. Разрешить зав. Районо т. Карташьяну М. А. взять на себя должность воспитателя Чалтырского интерната с полкломом в месяц и наблюдения за него...

Председатель исполкома райсовета
М. Харагезов».

Ободренный таким недвусмысленным решением, М. Карташьян стал не только воспитателем, а занял должность заведующего интернатом. Несмотря на свою крайнюю занятость, он всё же появляется в интернате... получать зарплату.

Работа интерната, несмотря на «наблюдения за него» со стороны заведующего районо, пока никоим образом не улучшилась. Но ради справедливости напомним, что тов. Харагезов и не ставил цели поправлять дела в интернате. Ведь он заботился главным образом о материальном благополучии тов. Карташьяна, а это удалось устроить как нельзя лучше.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ
небзирая на лица

КОНСТРУКТОР «ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕЦЕНЗЕНТ»

Конструктор — любимая техническая игрушка наших ребят. И это не удивительно. Из одних и тех же штампованных деталей юный строитель может соорудить, скажем, железнодорожный мост и высотный дом.

Недавно изобретён конструктор для взрослых — «Театральный рецензент». С помощью одних и тех же штампованных деталей человек, играющий в критика, может составить любую рецензию. Основными деталями конструктора являются слова: раскрытие, решение, удача, искренность, интерес.

Ф. Романова, пользуясь новым конструктором, сумела соорудить рецензию, настолько похожую на настоящую, что газета «Советская Чувашия» охотно её напечатала в № 83. Вот как тов. Романова удачно использовала имеющиеся слова:

Интерес.

«Постановка на сцене Русского республиканского драматического театра пьесы Е. Успенской и Л. Ошанина «Твое личное дело» вызвала законный *интерес*...»

«Образы детей в спектакле решены *интересно*...»

«*Интересна* в пьесе роль девушки с косичками.»

«*Интересны* эпизодические роли спектакля.»

«При всей важности темы, *интересном* разрешении отдельных сцен...»

Раскрытие, решение.

«Эта основная тема пьесы хорошо и последовательно *раскрывается* в спектакле...»

«Но коллектив театра не до конца *раскрыл* другую тему пьесы...»

«Яркому *раскрытию* этой мысли помог артистке выразительно *решенный* режиссером финал спектакля...»

«От правильного их *разрешения* зависело *решение* всего спектакля.»

«...Все они *раскрываются* в своей индивидуальности...»

«...Гротесковое *решение* образа несколько выпадает из ансамбля спектакля.»

Искренность.

«...Ясно чувствуется... простота и *искренность* в обращении с ними.»

«...Его проступки идут от *искренного* и горячего сердца.»

«...Хотелось бы видеть в Асе больше юношеской *искренности*.»

«...Игра актера *искренна*...»

Удача.

«*Удачно*... исполнение... сцены второго акта — в кабинете.»

«Образ Ольги — большая творческая *удача*.»

«Особенно *удачны*... сцены объяснения с матерью...»

«*Удачно* художественное оформление спектакля.»

Из этих примеров видно, как легко составлять рецензии с помощью нового конструктора. Трудно лишь заставить подписчиков газеты читать рецензии, где так экономно расходуются слова и мысли.

Рис. А. КАНЕВСКОГО.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ...

...председателя треста местной промышленности Прохладнова.

ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ ИЗ НАПЕЧАТАННОГО КАЧАЮЩИЕСЯ ОБЪЕКТЫ

ТАЙНЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Понятна была радость коллектива Нижнедеревенской средней школы Буринского района, когда здесь узнали об ассигновании средств на строительство нового школьного здания. И действительно, хорошо заниматься в просторном, новом двухэтажном здании с большими, светлыми и уютными классами.

Строительство школы взял на себя Буринский строительный участок треста «Сельстрой». Начальник стройучастка тов. Николаев наскоро набрал рабочих. Принимал, как говорят, всех, кто подвёртывался под руку. В итоге оказалось, что знакомство принятых им плотников со своей профессией не выходило за пределы того, что необходимо знать, чтобы нарубить вязанку дров. Набрав рабочих, Николаев дал в руки кому пилу, кому кельму каменщика и приказал:

— Стройте!

— Хотя бы курсы открыли или учёбу какую организовали, — говорили те, которые никогда до этого не были строителями.

— Некогда, други, работы много! Да вы не волнуйтесь: с вами всё время будет прораб Купчинский!

И вот рядом со старым деревянным зданием школы стали подниматься кирпичные стены нового здания. Всё шло как будто хорошо. И вдруг один из рабочих заметил, что северная стена нового здания стала понемногу отделяться от других стен и слегка покачиваться. Он сообщил об этом начальнику стройучастка тов. Николаеву.

— Покачивается, говоришь? Это не беда. Кирпичные заводские трубы тоже покачиваются — и ничего. Так им полагается.

— Так ведь по труба, а это стена!

— Ну так что ж, что стена? Вон старинные качающиеся башни есть — и стоят много лет.

Потом, бегло осмотрев злополучную стену, Николаев, несмотря на ясно видимую трещину в стене, сказал:

— При наружной штукатурке всё закроется.

...Строительство тянулось долго. Учебный год коллектив школы рассчитывал начать в новом здании, но к сентябрю здание так и не было готово. Наконец на исходе 1952 года Николаев оказал директору школы тов. Кушкульдинову:

— Готово, принимайте!

— Позвольте, — сказал директор школы, — по проекту, из вестибюля на второй этаж должны быть две лестницы, а у вас почему-то только одна...

— А мы один лестничный пролёт пока закрыли, — ответил Николаев, — средств и материалов не хватало.

— Но вы же израсходовали средств даже больше, чем полагалось!

— Перерасход образовался. Да вы не волнуйтесь, — успокоил Николаев, — у вас же народ мелкий — дети. Пока и по одной лестнице ходят.

Затопили печи. Но дым в нарушение всех правил физики почему-то упрямо не хотел идти в трубы, а большими тёмными клубами повалил из окон и дверей. Все всполошились. Пожарники, увидя со своей каланчи дым, объявили тревогу.

— Не волнуйтесь, — успокоил всех начальник стройучастка, — это печи сохнут.

— Это ж курная изба получилась! — воскликнул в огорчении директор школы.

— У курной избы дымохода вовсе не было, — серьёзно возразил Николаев, — а здесь, вон видите, трубы есть. Печи подсохнут — и дыму не будет...

...Между тем строители взялись за другой объект. На этот раз они решили порадовать жителей районного центра новой баней. Строили её из камня. Правда, не так уж быстро, но всё-таки стены бани тянулись вверх; их уже стало видно с любой точки районного центра. И вдруг... стены стали слегка покачиваться.

— Как бы они того... не упали, — высказал опасение один из буринцев.

Но начальник стройучастка и прораб решительно пресекли эти панические разговоры.

— Это обман зрения, — заверили они. — Впрочем, для большей безопасности завтра поставим крышу, тогда стены никуда не денутся.

Наутро жители районного центра были до крайности изумлены: на том месте, где стояли стены бани, виделось лишь облако пыли.

— Что за наваждение, — восклицали буринцы, — ещё вчера вечером стены были, а теперь нет! Может, это обман зрения?

Средства, предназначенные на оборудование бани, пришлось потратить на восстановление рухнувших стен. Кое-как собрали их, поставили крышу, и... все средства оказались использованными. После двухлетнего строительства получился сарай без потолка, без окон и дверей. Бани нет.

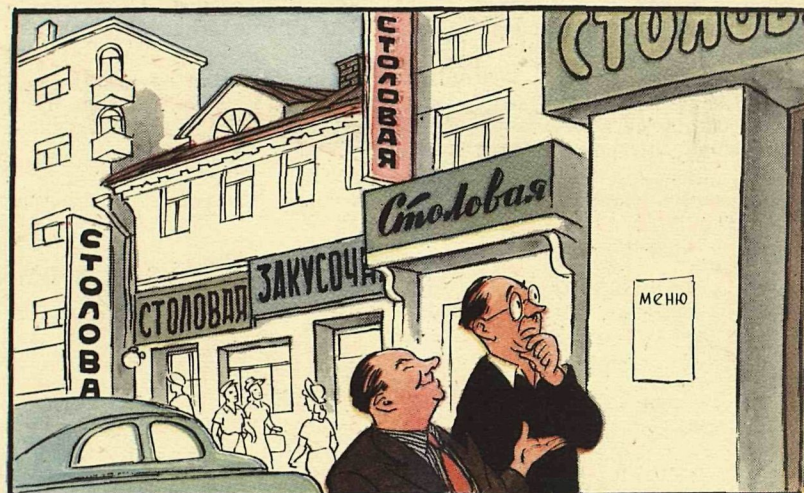
Говорят, у каждого строителя есть своя манера работать, так сказать, свой почерк. У Буринского строительного участка тоже есть свой почерк: почти всё, что им построено, либо сразу валится либо сначала покачается, а потом повалится.

И всё это деятелям стройучастка сходит с рук, словно так и полагается.

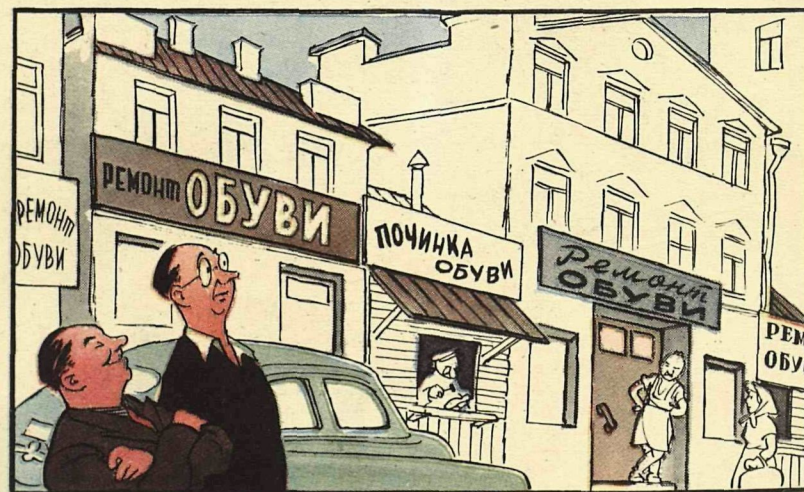
Не раз бывали здесь руководящие работники треста «Сельстрой». Правда, прораба Купчинского с работы уволили, но почерк в работе стройучастка остался тот же: попрежнему на глазах буринцев возводятся качающиеся объекты.

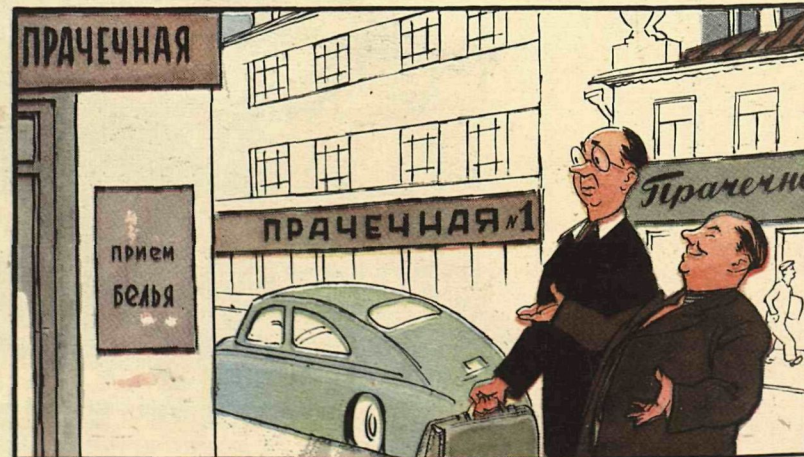
— Разве у вас в городе, кроме парикмахерских, ничего нет?
— Что вы!..

— На этой улице у нас столовые.

— На этой — обувные мастерские.

— Тут прачечные. Так что всего вдоволь...

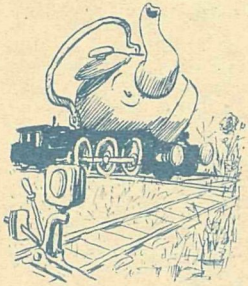
П. БАБИН

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Как ты думаешь, что сложнее: чайник или паровоз?
— Странно, — ответишь ты, — с чайником лобой справиться, а по-пробуй-ка с паровозом!

Так и мы думали до тех пор, пока не обнаружили у паровозных бригад Краснодарского отделения Кавказской железной дороги ржавые чайники. Мы потребовали заменить их эмалированными.

И вот вопрос о чайниках пошёл гулять по инстанциям: он побывал у руководителей отделения, в Управлении дороги, в Дорпрофсоже, в редакции «Гудка» и, наконец, в самом Министерстве путей сообщения. Гуляет он таким образом уже второй год, а ржавые чайники-ветераны до сих пор не уволены в отставку.

Видишь, дорогой Крокодил, наш вопрос совсем не праздный. Министерство путей сообщения с паровозами управляется, а вот с обыкновенными чайниками не может справиться.

Начальник санитарно-эпидемической станции
Б. МАМАЕНКО

ст. Краснодар.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

У нас на судовой верфи введено «упрощение» пропускной системы. Дело в том, что на территории судовой верфи со всеми удобствами квартирует директорская корова. Покупатели, идущие за молоком, гостеприимно пропускаются к живому молочному источнику по предъявлению бутылки. Попробовала стенная газета художественно отобразить в одной из заметок такую «пропускную» деятельность охраны, но секретарь партийного бюро верфи Б. В. Смирнов и секретарь комсомольской организа-

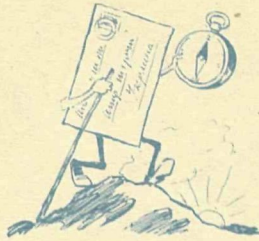

ции Н. И. Смирнов, не замечавшие «паломничества» посторонних, проявили вдруг необыкновенную «бдительность». Они заявили, что рисунок с директорской коровой посягает на авторитет самого директора верфи В. Н. Козлова. Стенная газета была срочно снята и появилась лишь спустя некоторое время, но уже без «зловредного» рисунка.

И вот, дорогой Крокодил, пока наши парторг и комсорг «бдительно» охраняют авторитет директора, охрана судовой верфи, забыв о бдительности, продолжает считать бутылку за пропуск.

Л. МОСУСОВ

г. Кострома, судовой верфи имени «Комсомольской правды».

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Когда-то говорили, что все дороги ведут в Рим.

Не знаем, были ли у людей основания заявлять так. Но если сказать: все почтовые дороги ведут в Норильск, — тут, пожалуй, ошибки не будет.

Суди сам: за последнее время мы в совхозе получили восемь писем, адресованных и в Восточный Казахстан, и в Приморье, и на Украину, и в другие отдалённые от нас города и веси.

Словом, связисты «спутали дорожки, спутали тропинки...»

Помоги им, дорогой Крокодил, встать на правильный путь. Тогда и письма пойдут своими путями.

З. ИЛЛАРИОНОВА,
В. СОКУРОВА

Совхоз «Полярный», пос. Норильск, Красноярского края.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Любопытный случай произошёл в колхозе имени Суворова. Построили там птицеферму прямо-таки курам на смех: курятники тесные, гнёздами куры не обеспечены, нестьё негде, хоть «кукареку» кричи.

И стали сотни кур нестись где попало: в огородах, кустах и под заборами.

Надеялись колхозники цыплят по осени сосчитать, но пришлось им подсчитывать убытки ещё по весне. Оказалось, что 419 кур дали колхозу за весну... 570 яиц.

Сейчас лето, а председатель колхоза тов. Иващенко и зоотехник Гончарова попрежнему не видят беспорядков на птичьем дворе. Не напала ли, дорогой Крокодил, на того и другого куриная слепота?

М. МУЛЯВИНА

г. Сорочино, Тюменской области.

Рис. В. РУСЛАНОВА.

— Странная статья: начало блестящее, а потом серость и скука.
— Так в начале же были цитаты, а дальше мысли автора.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В № 20 Крокодила за прошлый год было помещено письмо В. Романова об отсутствии в посёлке Домачево (Брестская область) парикмахерской и фотографии и о том, что жители посёлка ездят в отдалённый районный центр для того, чтобы побриться и сфотографироваться.

В настоящее время в посёлке Домачево открыты парикмахерская и фотография.

♦ В № 4 Крокодила за текущий год опубликовано письмо директора мастерской по восстановлению деталей (ст. Железнодорожная, Горьковской ж. д.) К. Ильина о тяжёлых условиях работы мастерской, расположенной в сыром подвале.

В настоящее время мастерской предоставлено подходящее помещение. Значительно улучшены условия труда рабочих.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Рис. И. СЫЧЕВА.

— Опять будут ругать за опоздание на работу... А разве я виноват, что не клюёт!..

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКОВ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРНИЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 477. Подписано к печати 2/VI 1953 г.

Формат бум. 70 × 108/16.

1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 02821.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1492.

Тираж 350 000 экз.

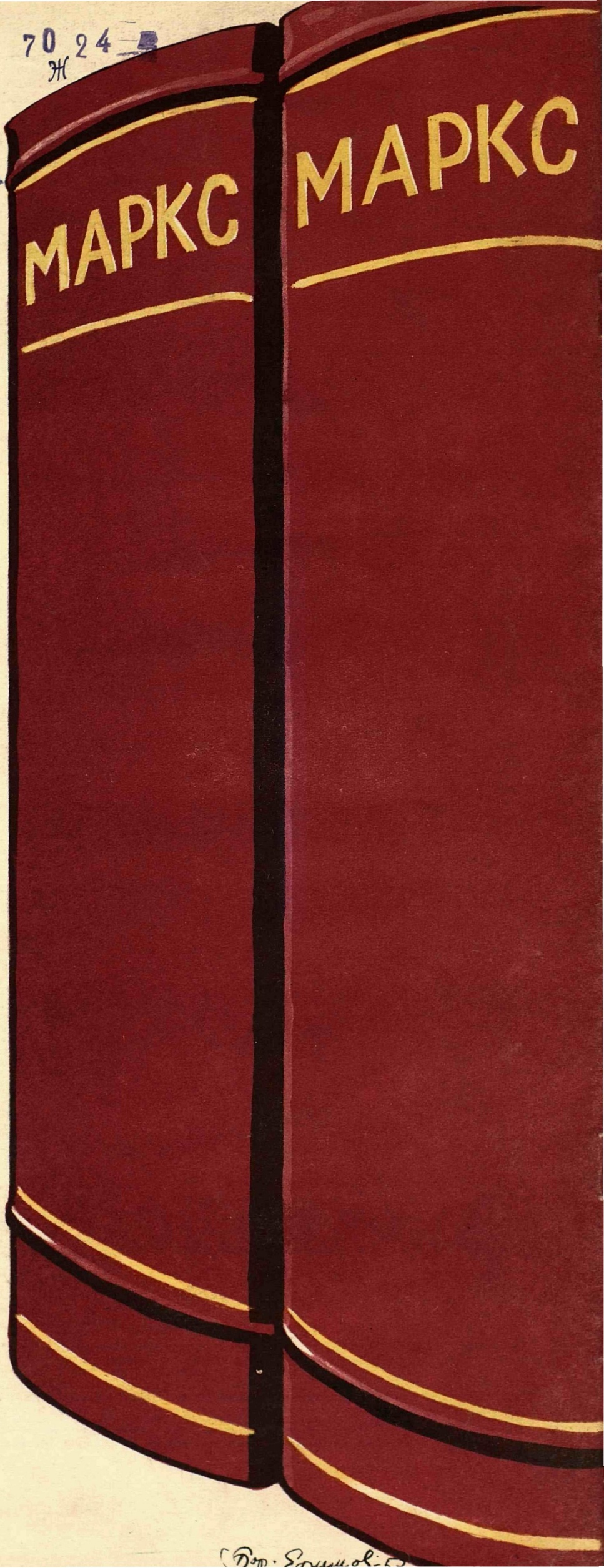
70 24 Ж

Всесоюзная
Книжная Палата
Обязат. экзempl.
1953 г.

Отставной французский министр внутренних дел правый социалист Жюль Мок выступил с книгой «Сопоставления», в которой этот верный лакей империализма делает очередную попытку оболгать учение Карла Маркса.

**ЖЮЛЬ МОК НА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ВЫСОТЕ**

Бор. Ефимов